

тарского ига и не было». Тем болѣе мало мѣста в этой исторіи могло быть уделено в настоящем сравнительно малому, но в прошлом игравшему крупную историческую роль в судьбах Россіи, Калмыцкому народу.

Вот почему каждый калмыкъ, в ком пробуждался естественный интерес к историческому прошлому своего народа, принужден был такую свою потребность удовлетворить устными народными легендами, а немногіе счастливыя — рѣдкими, малодоступными специальными трудами единичных специалистов-монголо-калмыковѣдов.

И то немногое, что находило себѣ мѣсто между строкъ официальной исторіи, носило отпечаток разноречиваго и Европѣ ходячаго мифа, что всѣ народы, в Азіи сущіе, суть «дикие варвары», «сволочь чужеземства»*), а всѣ их поступки и дѣянія — «азиатскій варваризм».

Соотвѣтствует ли такой категорической суд дѣйствительности в отношеніи всѣх народов Азіи — пусть судят другіе, но об одном из них, Монгольском народѣ, нѣмецкій ученый Др. Б. Лауфер, прекрасный знаток монгольско-калмыцкой литературы, много мифа.

«Павшіе с высоты своего стараго политическаго могущества, как современные греки и итальянцы, лишенные всѣх признаков прошлаго блеска, они (монголы), благодаря своему наполовину осѣдло-земледѣльческому, наполовину кочевому образу жизни, в настоящее время производят впечатлѣніе так называемых «дикарей», в которых отнесены ошибочно и пренебрежительно. Но среди этих безвѣстных дѣтей природы раскинулись полные жизни торговые города, промышленные центры, налаженные пути сообщенія и прежде всего роскошные храмы и монастыри, мѣстопробываніе религіозно-схоластической учености и усерднаго изученія книг, с их богатыми библиотечками и безпрестанно работающими типографіями, с их коллекціей скульптуры и картин, с их разными факультетами, кафедрами и рефератами...»

«Монгольская литература может нам помочь и предоставить цѣнные матеріалы для разрѣшенія как общих вопросов, так в особенности для до сих пор не разрѣшеннаго вопроса об исторіи вѣстских племен на территоріи Средней и Сѣверной Азіи. И здѣсь достиженія монголов далеко выходят из рамок чисто литературнаго значенія; они превращаются в цѣннѣйшія культурно-историческія и этнографическія свидѣтельства, тѣм что они раскрывают нам общія связи с народами отдаленнѣйшей Фузы и обнаруживают историческія нити, связывающія всю человѣческую мысль. Центральное положеніе, занимаемое монголами в Азіи сдѣлало их так сказать центральным пунктом духовной культуры, очагом, плани котораго заимствовали различные племена...»

*) Выраженіе П. А. Словцова — Историческое обозрѣніе Сибири, С. П. Б., 1856 г., изд. Н. Н. Скорохода, стр. 3.

В общаѣ же историческаго значенія монгольскаго ига, его вліянія и общественно-политической жизни Россіи историкки далеко не единодушны, хотя болѣею частью сходятся на квалификаціи его, как абсолютнаго зла, кромѣ грабежа и убійств ничего в себѣ не несущем, ничего русскому народу не давшем. Въместо объективнаго вложенія событій этой эпохи болѣею частью европейских историков, в том числѣ и русских, страстно прославляют по ним, как по событіям, представляющим из себя историческаго интереса.

Но вот тот же др. Б. Лауфер держится иного мнѣнія и говорит слѣдующее:

«...Мировое историческое значеніе монголов настолько велико, что нас должно живѣйшим образом интересоватъ все касающееся духовной жизни народа, который нѣкогда смог потрясти всю Европу, а ее народы и нас повлечь в сферу своего вліянія. В исторіи нашего отечества они залеймены именем варварских орд, на школьной скамьѣ они выставляются нам чертѣ китайской туши и предтечей пресловутой желтой опасности. Тем болѣе обявана наука выступить против такого страннаго опредѣленія и приблизить этот народ в общечеловѣческом отношеніи к нашим сердцам. В своих нѣснах он встает перед нами со своими радостями и горестями, со своей искренней любовью к Родинѣ, к широкой степи и к горячему степному коню, с трогательной привязанностью к матери, к возлюбленной, к женѣ. Мы познаем общечеловѣческія и вместе с тѣм благородныя и рыцарскія черты этих необузданных сыновей степи, которые нѣкогда стучались в двери нашего отечества такими могучими ударами меча...»

Калмыцкій народ есть часть Монгольскаго, три вѣка тому назад прибывшаго на юго-восток Россіи и никогда не прерывавшаго духовной связи с своей древней родимелью.

Калмыцкій народ на всем протяженіи этих прошедших вѣков выполнялъ величайшія задачи Русскаго государства, а отдѣльная нѣтъ этого народа вошла неразрывной частью в единую семью Донскаго Кавказства, на протяженіи около двух вѣков дѣля с ним радость побѣд и горести пораженія.

Исторія Калмыцкаго народа полна военными дѣяствіями, боевыми столкновеніями с народами юго-восточной Россіи, очень часто калмыки оставались побѣдителями и поступали жестоко с побѣжденными. И совершенно не слѣдует усматривать в этих дѣяствіях какую-то особую историческую цѣнность и далек от поклоненія этим побѣдам. Но такова была обстановка, в которой жили и дѣйствовали историческія личности, таково было пониманіе их, таков был дух времени.

Тогда эти встрѣчи происходили на полѣ брани, споры разрѣшались силой оружія; теперь надо пожелать, чтобы эти встрѣчи происходили на полѣ культурном и вопросы разрѣшались силой разума.

Продолженіе на стр. 48.

Из жизни калмыцкаго пансіона при Русской Реальной Гимназіи в Прагѣ.

В январѣ—февралѣ 1922 г. при распредѣленіи дѣтей бѣженцев из Константинополя в славянскія страны калмыцкія дѣти, отпавленные в числѣ других в Болгарію, распредѣляются по двум школам: одна группа в количествѣ 24—25 человекъ в русскую гимназію в селѣ Дельне-Орѣховом, Тырновскаго округа, гдѣ находилось около десятка мальчиковъ, эвакуированных из Крыма, а другая — болѣе 50 человекъ — в русское среднее сельско-хозяйственное училище в Кашиновском и Плановском монастырях, того же округа.

Общія условія, связанныя с крайним недостаткомъ матеріальныхъ средствъ по содержанию возникших в Болгаріи русскихъ учебныхъ заведеній, не удовлетворительная постановка учебно-воспитательнаго дѣла, тяжесть всей обстановки заставляли многихъ учащихся оставлять школу, устраниваться на сторожѣ, уходить к станичникамъ на работу, а если имѣлись родные и близкіе, то к ним. То же самое стало происходить и с на-

шими дѣтьми, а весна 1923 года обѣщала полное их распыленіе.

На этомъ тернистомъ пути нашей молодежи, благодаря просвѣщенному вниманію Чехословацкаго Правительства и невѣрнымъ работамъ о нас нашего давнишняго общественнаго дѣятеля и культурнаго работника Бадмы Нарановича Уланова, улыбулась счастливая судьба увидѣть ту Золотую Прагу, являющуюся свѣтлым маякомъ на темномъ фонѣ русскаго эмигрантскаго бытія.

Прибывъ в Чехословакію 21 апрѣля 1922 г. в составѣ 26-ти учащихся, двухъ воспитателей — Б. Б. Кушанова и пишущаго эти строки и одного учителя — С. В. Баянова, мы и положили начало калмыцкому отдѣленію пансіона при Русской реальной гимназіи в Прагѣ, гдѣ до нас училось пять калмыцкихъ мальчиковъ. Эта молодая гимназія, основанная годомъ раньше нашего прибытія, находилась в веденіи двухъ Министерствъ Че-

хословацкой Республики — Министерства Просвещения и Министерства Иностранных Дел.

Нашей целью является указать нашим читателям, какая обстановка и какие перспективы благоприятствовали калмыцкой молодежи, чтобы направиться на светлый путь знания и человеческой культуры.

Годы бѣженства, антисанитарныя условия жизни, отсутствие необходимой обуви и бѣды, частыя недобѣдныя надломы и физически и морально особенно молодые организмы. Новыя условия жизни с надлежаще поставленным медицинским надзором, питанием и другими удобствами, внесли в настроение наших дѣтей бодрость, будя в них энергию к жизни, к труду и чувство привязанности к школѣ и учению.

Скоро по переброскѣ калмыцкой молодежи в Чехословакию, подошли лѣтніе каникулы. Забота о лѣтнем времяпрепровожденіи дѣтьми в Чехии занимает одно из видных мѣст ея общественно-культурных организаций. Широко организованныя дѣтскія колоніи, начиная с Чешскаго Краснаго Креста и другими организациями, собирают в себя десятки тысяч дѣтей, нуждающихся в отдыхѣ и поправленіи их здоровья.

Гимназіи нашей представилась возможность самой организовать свою колонію. Мѣсто было найдено в Малых-Татрах (Карпаты), на Словенску, в деревнѣ Св. Ян св. Линтовскаго уѣзда, св. Микулашскаго округа. Из 60 человек учащихся, нашедших здѣсь отдых, калмыцких дѣтей было около 30 человек.

Чистый горный воздух, хорошее питание, купальня, прогулки, легкія занятія и чтеніе книг, игры и развлечения — вот обстановка их жизни в горах Карпат. Послѣ ряда тяжелых лѣт смуты, революціи, гражданской войны и бѣженства, три десятка калмыцких дѣтей находят здѣсь и физическій покой и человеческое существованіе.

Лѣто это, таким образом, является как-будто линіей водораздѣла, по ту сторону которой как бы отходит все прошлое, связанное с этапами бѣженства у себя и в Россіи, а потом со скитаніями по заграничю, а по эту — начало нормальной жизни. К предстоящим занятіям дѣти прѣзжают полныя здоровья и жизнерадостности, с скрѣпшими легкими, с лицами, покрытыми здоровым загаром.

Состав пансіона за это время увеличивается пятью мальчиками: один в началѣ іюня был выписан из Германіи, другой из находившихся на работах в Чехии, опредѣлен в гимназіи, а трех перевели из Моравска-Тршебова.

Всего в пансіонѣ к ноябрю 1923 г. числится 42 человека. К этому времени из Сербіи поступает просьба группы калмыцких мальчиков из Кадетскаго Корпуса о желаніи перевестись к нам. В мартѣ 1924 г. из Сербіи прѣзжает еще 7 учеников-калмыков. В концѣ учебнаго года в пансіонѣ числится 48 человек, за исключеніем одного умершаго в декабрѣ 1923 года, Мартышкина Кектыша, Иловайскаго станицы, Сальскаго округа, Д. О. В октябрѣ 1924 года с русским эмигрантом, пробирающимся в Чехію, перейдя границу нѣшим, прибыл мальчик Егоркин Учур. В слѣдующем в 1925 году, Калмыцкой Комиссіей, была исходатайствована виза для двух молодых людей — Алексѣева Санжи и Цуглинова Сангаджи, оба Граббевскаго станицы.

Войдя в общую орбиту жизни гимназіи дѣти чувствуют под собой прочную почву, постепенно втягиваясь в свои классныя занятія и осваиваясь с новой жизнью. На ряду с преподаваемыми в гимназіи предметами, по ходатайству нашей Комиссіи, Министерством Народнаго Просвѣщенія разрѣшается для дѣтей калмыков обязательное преподаваніе калмыцкаго языка, исторіи и буддѣйской морали.

Для чуткой и впечатлительной молодежи окружающая жизнь не проходит безслѣдно: 12 человек из старших учеников записываются и участвуют в мѣстной Страшницкой жупѣ чешских соколов, лучшие из них в числѣ 6 человек приняли участіе лѣтом 1926 г. въ VIII всесокольском слѣтѣ. Футбольная команда, но въ VIII всесокольском слѣтѣ «Калмыцкая одиннадцатъ» до лѣта 1927 г. пользовалась вниманіем чешских и русских спортивных кругов и любителей и в печати не раз давались об ея успѣхах лестныя отзывы. За выбытіем из состава команды нѣкоторых ея членов в профессиональную школу в провинціи, оставшіеся нынѣ вошли в состав чешскаго спортивнаго клуба «Спарта».

Был организован и продолжает существовать струнный оркестр, состоящій нынѣ из 11 человек учеников.

руководителем оркестра состоит В. Я. Сеймон. Участіе этого оркестра на своих гимназических вечерах и концертах сдѣлалось не только обычным явленіем, но он совместно с калмыцким хором в 10—11 человек выступал и выступает и нынѣ стѣн гимназіи. Так, в 1925 г. он, приглашенный чешскою организацией «Охрана дѣтства и материнства» (в Страшницѣ), принял участіе на их вечерѣ, устроенном с благотворительной цѣлью. В том же году он принял участіе и на казачьих вечерах: в Смиховском народном домѣ и в городѣ Пшибрамѣ, а в 1926 г. на вечерѣ «Союза чешских типографов и факторов». Попытки образовать духовой оркестр за отсутствіем средств кончились неудачей.

Купленными самими дѣтьми в складчину фотографическій аппарат, но работа им регулярно не производится также из-за недостатка средств. В симфоническом оркестрѣ гимназіи принимают участіе два мальчика-калмыка: по классу рояли один, на скрипкѣ — один. Перелетному дѣлу обучаются 10 человек.

Ежегодное пребываніе наших дѣтей, во время лѣтних каникул, в чешских дѣтских колоніях, в чешских семьях, посѣщеніе театров, концертов, изученіе чешскаго языка и литературы — все это знакомит наших дѣтей, как с бытом, так и со всей культурной жизнью, приоткрывающаго нас народа, устанавливая полную связь с мѣстной жизнью.

Если в первые годы мы слышали от чехов: «кто то е, чинян, япон, нѣб монгол?», то теперь нас знают здѣсь как калмыков, пишут о нашей работѣ в своих газетах, мы их знакомим с мелодіей своих пѣсен, своеобразной музыкой, нашими танцами.

Из изложеннаго видно, каким образом были собраны наши дѣти и в каких разнообразных условиях они находились. Также различны были их подготовкі, знанія, развитія и возрасты.

Сообразно этим условиям часть гимназистов и учащихся молодежи стали поступать в спеціальныя профессиональныя и ремесленныя школы.

В 1924 году были опредѣлены в школу корзинодѣленія: 1) Мухаринов Пата, Платовскаго ст. и 2) Шаранов Бадма, Власовскаго станицы; в 1925 году: 3) Читинов Бадма, Батлаевскаго ст. в деревообдѣлочную школу; в 1926 году: 4) Исаев Александр, Ново-Алексѣевскаго станицы — в среднее сельско-хозяйственное училище и 5) Амрханов Хѣрэмче, Платовскаго станицы — в тракторную школу; в 1927 году: 6) Цуглинов Сангаджа, 7) Ковишников Парда, оба Граббевскаго ст.; 8) Петров Алексѣй, Ново-Алексѣевскаго станицы — в тракторную школу; 9) Чурямов Эрдие, Ново-Алексѣевскаго станицы в среднее сельско-хозяйственное училище; 10) Адучинов Чулук, 11) Амраков Мангат, оба Платовскаго станицы, 12) Ильцеранов Санжа, Чукусовскаго станицы, 13) Тенкин Церен, Денисовскаго станицы, 14) Трушкин Нури, Батлаевскаго станицы — в деревообдѣлочную школу и 15) Кардушова Симак, Ново-Алексѣевскаго станицы — в профессиональную женскую школу.

Совѣм выбыло из гимназіи: 16) Басанов Алексѣй, Бѣльевскаго станицы, 17) Акугинин Лиджа, Власовскаго станицы, 18) Бурушкин Санжа, Платовскаго станицы, 19) Уланов Саран, Ново-Алексѣевскаго станицы, 20) Алексѣев Санжа, Граббевскаго станицы, 21) Кульдинов Судман, Денисовскаго станицы и 22) Васильев Эрдие, Власовскаго станицы, опредѣлившійся в русскую гимназію в Бѣлградѣ.

Наличный состав Пансіона в настоящее время опредѣляется так: Младшій пріготовит. класс: 1) Уланов Байир, Ново-Алексѣевскаго ст.; старшій пріготов. класс: 2) Манжиков Даржа — IV отд. Кутейниковскаго ст., 3) Манжиков Эрдие — IV отд. Платовскаго ст., 4) Тугульчинов Николай — IV отд. Денисовскаго ст., 5) Кульдинов Учур — III отд. Денисовскаго ст.; I-й класс: 6) Мишинов Учур — III отд. Денисовскаго ст.; II-й класс: 7) Чапчинов Цебек, Денисовскаго ст. и 8) Переборов Пата, Денисовскаго ст.; III-й класс: 9) Сушинов Петр, Денисовскаго ст., 10) Бурхачинов Шейя, Денисовскаго ст., 11) Егоркин Учур, Батлаевскаго ст. и 12) Тектинов Саран, Платовскаго ст.; IV-й класс: 13) Уланов Эрдие, Ново-Алексѣевскаго станицы; V-й класс: 14) Дживалинов Петр, Ново-Алексѣевскаго станицы, 15) Зольванов Бакунь, Дулду-Хурулова Ай-станицы, 16) Малодербетскаго улуса, 17) Кульдинов Содман, мака, Малодербетскаго улуса, 18) Кульдинов Содман, Денисовскаго станицы, 19) Нембирков Николай, Платов-Денисовскаго станицы, 20) Уркуров Санжа, Чукусовскаго станицы, VI-й класс: 19) Бакбушов Аяка, Власовскаго станицы, VI-й класс: 20) Балыгинин Аяка, Власовскаго станицы, 21) Уланов Александр, Ново-Алексѣевскаго станицы.

22) Шаранов Назаріон, Батлаевской станицы и 23) Шарманжинов Николай, Платовской станицы; VII-й класс: Баббушов Ильмижа, Власовской станицы, 25) Уланов Наран, Ново-Алексеѣвской станицы, 26) Уланов Лиджа, Денисовской станицы, 27) Шиханов Мирма, Денисовской станицы, 28) Шурганов Алексѣя, Эрвистинской станицы; VIII-й класс: 29) Далантинов Седман, Денисовской станицы, 30) Даржинов Манца Батлаевской станицы и 31) Тюльинов Даржа, Граббевской станицы.

Окончил в 1927 году гимназію Бембетов Басаи, Ново-Алексеѣвской станицы.

Дни национальных праздников отмѣчаются устройством вечеров, в которых участвуют наши учащіяся, демонстрируя свои достижения в области искусства, литературы, а также воспроизводи перед зрителями сцены из жизни Калмыцкаго народа или исполняя калмыцкія пѣсни, танцы, калмыцкія дѣтскія игры.

Во время нашего праздника «Цаган» в февралѣ 1924 г. учащіяся ставили на сценѣ отрывок из «Цы-

гане» Пушкина, переведеннаго на калмыцкіи языкъ Д. Н. Баиновой. Ею же была обработана и инсценирована одна глава народной поэмы «Джангар», которую мы ставили также во время «Цаган-а» в февралѣ 1924 г.

Так приобщаясь к блестящей чехословацкой культурѣ, стараюсь не забыть и изучить свой родной языкъ, учаюсь и воспитываюсь быть нужным своему народу и родным Краям, растет и развивается наша калмыцкая молодежь в Чехословакии.

Возродить былую физическую мощь — невозможно. Но стать, хоть и маленьким, но культурным — это должно быть первой задачей нашей жизни. Культура и цивилизация нас не раздавят и не обезличат нас, как націю, а наоборот, выкристаллизуют всѣ творческія силы пытливаго ума, ищущей души калмыка, укрѣпят и воодушевят национальную мысль и национализм дѣт Калмыцкаго народа.

Даржа Ремслю.

1. I. 1928. Прага.

Как трудно жить в странѣ, нам чуждой!
Гдѣ нѣтъ равнины, нѣтъ бугров,
Гдѣ можно было бы тѣсной дружбой
Сражаться в бѣгѣ скакунов:

Гдѣ утром иль в часъ поздній, лѣтній
Летнишь и слышишь чудный звон:
И пѣсню птиц... трав шелест легкой,
И стук копыт со всѣхъ сторон:

Гдѣ ты один, дитя свободы,
Летнишь ты гордый в этот часъ,
Как сын степей, как царь природы!
Твой конь-стрѣла! таков всѣхъ гласъ.

Сентябрь 1927 год.
Чехія.

Как больно нам, когда желанье
Горит всегда у нас в сердцахъ:
Проклять и скитанье и изгнанье,
Потом домой... домой сейчас!

Но волны жизни бьют и гонят
Без малаго нас восемь лѣтъ.
О, Боже мой! Его всѣ просят —
Еще молчаніе — им отвѣтъ.

О ты, наш Край родной, далекій!
Все там ли ты? О, Родина!
Прими поклон от нас наш низкій,
Прощай ты чудная страна!

Д. Тюльинов.

На Цаганѣ.

В один темный, в южный зимній вечер, когда по пушистым головкам камышей, по торчащим соломкам скирдов, по трубам землянок, под скрип ворот, вѣтер пѣлъ пѣсни заунывныя, у добродушных супругов Бахиновых собралось человекъ десять сосѣдей, любителей покоротать время.

Разговор шел о предстоящем через мѣсяцъ праздникѣ Цаганѣ. Говорили о том по сколько четвертей водки покупать на семью, кто зарѣжет овцу, кто телушку, кто свинью, но, главным образом, о том, сколько верховыхъ молодцов выѣдет с ихняго хотона на праздничные наѣзды, на какихъ лошадяхъ, какая из них окажется рѣзвѣе всѣхъ, гдѣ и с чьими табуницами произойдет столкновение.

— Конечно и в этом году мы поѣдем к Корольковцам и постараемся снять с себя прошлогодній поворъ — заявил молодой табущик Бокта.

— Для этого нужно выѣхать хорошей, ровной компаніей, на подобранных коняхъ, а, кромѣ того, нам непременно надо упросить нашего стараго волка Шара, чтобы он с нами выѣхал, — добавил другой.

— Да, да, если Шара не поѣдет с нами тряхнуть стариной, то ихній Дада все равно нас поразгоняет; уж очень искусно он может бить; большая сила в его рукахъ — заговорил третій.

— Вѣрно, вѣрно, Шара поѣдет с нами для выручки, а то давно он уже перестал выѣзжать на Цаган; пусть он пропустит в этом году богомолье в хурулѣ — заговорило сразу нѣсколько голосовъ.

— Гдѣ мнѣ... Куда мнѣ старику... да и грѣх ради драки пропускать «Дюлян». Мнѣ уже бои неинтересны; ничто не может замѣнить наслаждение, которое я получаю на всеобщемъ молебствіи перед этим свѣтлымъ праздникомъ в нашем храмѣ... Вы послушали бы, какъ красиво, трогательно поют манджикки, гелюны; какъ вдохновенно они служатъ всю ночь, а на зарѣ... когда торжественно вносят «Окон-Тенгир», когда сам бакша заводитъ встрѣчную молитву... молитву побѣды «свѣтлаго надъ чернымъ», — добра видлом; тогда вы позабывали бы о всемъ мірскомъ, не знали бы, гдѣ вы находитесь... да, это удовольствие, на удовольствіе побѣды в бою на плетяхъ я, старик, не промѣняю.

Во-вторыхъ, едвали я теперь, в пятьдесятъ лѣтъ, справлюсь съ Дада, съ тридцатилѣтнимъ молодцомъ, в расцвѣтѣ силъ и здоровья, — отвѣчалъ сѣдоголовый, сутулый, рослый Шара, набивая трубку-самодѣлку махоркой.

Рѣчь его смутила молодыхъ; Шара былъ не только силачъ и лихой наѣздникъ, но и славился какъ человекъ «с острымъ языкомъ».